

A black crow is shown in flight, its wings spread wide, against a dramatic, fiery background. The background is filled with intense orange and yellow flames, smoke, and falling leaves, suggesting a scene of destruction or a hellish realm. The crow's feathers are dark and detailed, and its sharp talons are visible. The overall mood is dark and intense.

**Сорока-огневица.
История вторая**

Валерий Лисицкий

Валерий Лисицкий
Сорока-огневица.
История вторая
Серия «Сорока-огневица», книга 2

<https://litres.ru/73976371>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли служить великой цели, оставаясь собой? И обязательно ли терять себя в борьбе за добро? Василесе предстоит ответить на эти и многие другие вопросы, присоединившись к "Кругу".

Содержание

1	4
***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валерий Лисицкий

Сорока-огневица.

История вторая

1

Твой путь — не нитка, не рвётся.

Не река и не пряжа, но вьётся.

Куда ты идёшь — там и свет,

Что ныне ты сеешь — век будешь иметь.

Поезд ворвался на станцию с воем и грохотом.

Василиса вздрогнула, открывая глаза, и инстинктивно отшатнулась от края перрона, толкнув при этом в грудь хмурого мужика в пальто. Тот посмотрел на неё сверху вниз, и Василиса торопливо пробормотала:

— Простите!

Ответил ли что-то мужик, она смотреть уже не стала. Раздалось шипение, и ворвавшийся на станцию состав затормозил, раскачиваясь на рельсах и подрагивая. Старый, очень старый поезд. Верхняя половина — белая, нижняя — бежево-коричневая, а разделяла их широкая тёмно-коричневая полоса. В салоне горели уютным оранжевым огнём старомодные плафоны — на ножках, как настольные лампы! — и блестели отполированные множеством прикосновений поручни.

Непонятная тревога сжала сердце Василисы но тут же расеялась, смытая волной облегчения. Ретро-поезд, всего-то! Слышала ведь от кого-то, что их можно увидеть то тут, то там! Выдохнув с облегчением, она отодвинула за спину плотно набитую спортивную сумку, сунула руку в карман куртки и достала из-под скомканной перчатки мобильный. Люди вокруг на диковинку не реагировали — наверное, привыкли, а ей захотелось сделать пару снимков на память.

Сухо щёлкнул затвор камеры и тревога вернулась. Потому что на экране не было ничего, кроме чёрной решётки выпуклой тоннельной плиты и белой надписи «Савёловская». Поезда на фото не было. Потому что он не существовал.

Точнее — существовал, но не для явичей. И почему вдру решил показаться ей...

Василиса пробормотала:

— Езжай себе. Езжай, езжай!

Но поезд не тронулся с места. Мужик позади Василисы заёрзал и кашлянул, и она с надеждой на него обернулась, но тот лишь вздохнул и спросил с участием:

— У вас всё хорошо?

Кивнув, Василиса повернулась обратно к поезду. И тот, зашипев насмешливо, распахнул двери. Из вагонов пахнуло таким холодом, что у неё на теле встал дыбом каждый волосок. Холод, хлынувший на перрон, легко пробил плотную зимнюю куртку, обвил мягкими плетью запястья, лизнул лицо и как будто произнёс ей прямо на ухо:

— Я знаю, что ты видишь.

Он как будто сказал:

— Ты мне не указ.

Он словно прошептал глумливо:

— И сейчас кто-то умрёт!..

Дрожащими пальцами Василиса открыла телефонную книгу и принялась листать контакты, одновременно вспоминая эзопов язык, обрывкам которого её научил Степан. Его

имя нашлось быстро, и трубку он снял после первого же гудка.

— Василиса?

В голосе смешались радость и удивление — первой она ему раньше не звонила. Но времени анализировать его эмоции у Василисы не было. Прижав трубку к уху, она прошептала:

— Привет! На Савёловской темнота! Поезд в сторону центра!

— Что?! — Степан растерялся, но замешательство длилось недолго: — Так, ничего не делай, поняла? Как я учил: сообщила-отошла, да?

— Нет. — коротко отозвалась Василиса.

Её уже взгляд скользнул вдоль состава, и у средней двери соседнего вагона она успела заметить сквозь редкую толпу девчонку. Девушку-подростка, лет пятнадцати от силы, в яркой одежде и с увешанным значками рюкзаком. Она ещё стояла на перроне, но уже сунула голову в вагон и восторженно осматривалась.

— Что нет?! — рывкнул тем временем Степан. — Сорока! Сорока, что происходит?!

Василиса ответила, уже проталкиваясь через толпу, без стеснения расталкивая людей локтями и не обращая внимания на ругань:

— Девчонка хочет в вагон сесть.

— Сорока, стоять! Не смей!

Не дослушав, Василиса сунула телефон в карман и крикнула, обращаясь к девчонке:

— Стой, стой! Не заходи!

Вокруг разом стало свободнее: сумасшедшим жизненное пространство лучше не ограничивать. Не среагировала только девчонка. Улыбаясь всё шире и моргая медленно, как довольная кошка, она одной ногой уже стояла на полу вагона. И люди вокруг не видели её точно так же, как и поезда. Уже не видели.

— Да стой ты!

Василиса прыгнула вперёд — и в последнюю секунду успела схватить Нет, не схватить. Пальцы скользнули по рюкзаку девчонки, уже исчезающей в вагоне, и двери захлопнулись, как челюсти хищного зверя, прищемив запястье. Василиса взвыла, дёргая руку на себя, но двери держали крепко.

Поезд зашипел гидравликой, но издал не привычный протяжный выдох, а серию отрывистых резких звуков, будто захихикал, зло и надменно. Состав вздрогнул и тронулся. Василиса увидела в стекле вагона своё отражение: бледное лицо с широко распахнутыми глазами и скошенным на сторону ртом, а на фоне — равнодушные лица других пассажиров. Для них она исчезла. С глаз долой, из сердца

Поезд вынудил Василису сделать крошечный шагок вслед за ним. Потом ещё один. И ещё. Потом шагнуть по-настоящему, а затем и побежать, нелепо подпрыгивая при-

ставным шагом.

— Зар-р-раза! — выдохнула Василиса сквозь зубы. — Зараза!

Сумка, подпрыгивая в такт шагам, била по ягодицам. Край перрона стремительно приближался. А вместе с ним — чёрно-белый поручень, решётка закрывающей служебный проход двери, огромный экран с изображением станции всё то, обо что её размажет.

Страх подстегнул её. Тяжело дыша сквозь стиснутые зубы, Василиса вцепилась в створку двери второй рукой и попыталась дёрнуть её на ходу. Потом в прыжке вбила носок зимнего ботинка в щель, прижалась к дверям всем телом. Так у неё появился шанс проскочить.

Появился бы — если бы сумка.

Поезд набрал ход и взревел, оглашая тоннель впереди и глухой к его сигналу перрон победным кличем. Выворачивая руки, Василиса уперлась в края дверей и с криком, утонувшем в грохоте колёсных пар, рванула их в стороны, одновременно пытаясь протиснуться внутрь вагона. Двери разошлись на несколько сантиметров и тут же с силой ударили её по голове, словно старались смять череп. Василиса изогнулась, впихивая плечо в вагон, уперлась в одну дверь лопатками, а во вторую — руками и ногой. Она дёрнулась всем телом, чуть не надрывая уставшие после тренировки мышцы, закричала снова и рухнула на пол вагона. Оставшаяся снаружи сумка зацепилась за что-то, дёрнула её, заставив крепко

приложиться затылком о стену вагона рядом с дверью, и обрывками ткани влетела следом. По полу покатались мягкий тренировочный меч, эластичные бинты и один наколенник.

— С-с-сволочь!

Василиса автоматически цапнула меч и выдохнула до сиплого хрипа. Со щелчком захлопнула рот. Огляделась. Всё было нормально. Настолько нормально, что сводило скулы и наворачивались слёзы. Стучали колёса. Тихо фонил неисправный динамик. Потрескивала, мигая, лампа в круглом плафоне. Уютно старомодный вагон. Нарочито, подчёркнуто обыкновенный.

Даже пассажиры оказались на месте: сидели, заняв места через одного, чинно подогнув ноги под лавки и сложив руки на коленях. Смотрели в одну точку. И если не приглядываться — казалось, что всё с ними в порядке. Просто люди. Просто едут по своим делам. Но если приглядеться

В облике пассажиров было нечто общее. Общая неправильность. Мужчина с букетом увядших, почерневших цветов. Старушка в уродливом китайском пуховике прямоком из девяностых. Мальчик в шортах и майке с Человеком-пауком. Очень много людей: мужчины и женщины, старики, дети. Взгляд Василисы зацепился за молодую девушку в тяжёлой шубе и намотанном крест-накрест пуховом платке поверх шапки-ушанки. Сто лет уже так не ходят

Но всех их, таких разных, что-то объединяло. Какая-то печать на равнодушных бледных лицах.

— Чур меня, чур! — пробормотала Василиса.

Не помогло.

Тогда она зажмурилась крепко-крепко и помотала головой. А когда открыла глаза — ничего не изменилось. Зато она заметила наконец девчонку, ради которой и бросилась внутрь этого странного поезда. Та уже заняла своё место. Как все: ноги вместе и подогнуты под лавку, рюкзак на коленях, взгляд устремлён в пустоту.

Василиса вытащила из кармана телефон, чтобы снова набрать Степана, но только вздохнула и сунула его обратно: сигнала, конечно же, не было.

— Классика — пробормотала она.

Поезд мчался по тоннелю, стен которого уже не было видно. Ни труб, вьющихся параллельно путям, ни единого фонаря. Только темнота. Василиса поёжилась и подошла к девчонке. Поводила у неё перед лицом ладонью — без результата. Никакой реакции.

— Эй — Василиса потрепала её за плечо и вздрогнула: девчонка тряслась, как будто через её тело пропускали электрический ток.

Не меняя позы, она подняла на Василису равнодушный взгляд и тут же снова уставилась в никуда. Василиса поджала губы, поудобнее перехватила меч и потащила девчонку за шиворот:

— Вставай! Вставай, вставай!

Та плаксиво сморщилась, как будто ни за что не хотела

подниматься с мягкой кожаной обивки, и захныкала. Василиса сосредоточилась, вдохнула полную грудь, наклонилась к самому её уху и проговорила зло и отчётливо:

— Я! Сказала! Вставай!

Девчонка вздрогнула и вскочила с места с пронзительным визгом, брезгливо тряся руками и затравленно оглядываясь по сторонам. Она бросилась было в сторону, но ляжки упавшего с колен рюкзака оплели ноги, и девчонка рухнула в проход, крича и закрываясь от Василисы руками.

— Спокойно!

Василиса отвела назад руку с мечом из мягкого синтетического материала и выставила перед собой вторую, держа её раскрытой ладонью к девчонке.

— Спокойно, не кричи!

— Где я?! — выкрикнула та, дико оглядываясь и дыша, как попавший в западню кролик. — Кто вы?!

— Тихо. — Василиса осторожно приблизилась на шаг. — Спокойно. Ты не помнишь, как садила в вагон?

Девчонка не ответила, но Василиса и так поняла: ничего она не помнит. Ни как ворвался на станцию древний поезд, никак она, зачарованно улыбаясь, заходила в распахнутые двери. Потому что это не она решила в него сесть — это поезд выбрал её своей пассажиркой. Или правильнее сказать — жертвой?

— Так, давай успокоимся. — Василиса присела на корточки. — Меня зовут Василиса, а тебя?

— Алина — ответила девчонка.

Она явно хотела сказать что-то ещё, но вдруг сжалась в комок, затравленно озираясь. Василиса тоже огляделась и почувствовала, как по коже побежал мороз.

Пассажиры смотрели на них. Прямо на них. Все эти люди, одетые кто как, молодые и старые, совсем недавно словно витающие в облаках, вдруг собрались, посерьёзнили и сосредоточили всё внимание на них, болтающих на полу. Василиса облизнула верхнюю губу, солёную от пота, и проговорила, стараясь смотреть на всех пассажиров разом:

— Так, Алина, не паникуй. Сейчас нужно медленно

— Кто вы такие?! — выкрикнула Алина. — Что вам нужно?!

И пассажиры сорвались с мест. По крайней мере, так Василисе показалось вначале: он все резко наклонились, вытягивая к ним руки. Благодушная старушка запустила руки Алине в волосы, живо намотала их на кулак и потянула её к себе, сосредоточенная, серьёзная и молчаливая. Тело Василисы сработало само: резко развернув корпус, она коротко ударила старуху по запястью. Тренировочный меч-«синтетик» — далеко не боевое оружие, не такое тяжёлое и не способное рубить, но и его веса, вкупе с силой, вложенной Василисой в удар, хватило, чтобы кости старухи хрустнули и запястье отвалилось от руки, чтобы тут же рассыпаться тяжёлым серым порошком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.